

Александр Абакумов

**Боттичелли
ЗИМОЙ**

Александр Абакумов

Боттичелли зимой

<https://litres.ru/74239138>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1498 году во Флоренции художник Сандро Боттичелли бросил в костёр на площади свои картины. Трудный выбор в трудное время.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Боттичелли зимой

Глава

1.

– Светает... Воистину, горящая свеча – зрелище печальное, особенно если наблюдать за ним долго и не отрываясь. Ты не пробовал? Больше скажу, немного найдётся людей, кто на такое способен. Я к ним, конечно, не отношусь. Напротив, когда смотрю на трепетный огонёк, медленно сползающий вниз, посещает меня неприятное чувство неотвратимости финала и собственного бессилия. И тогда приходится звать кого-нибудь, чтобы принесли ещё свечей, и перевожу я взгляд на эту, если можно так сказать, молодёжь, что своими восковыми, стройными телами заслоняет собой оплывшие огарки в подсвечнике. Ты, мой друг, скажешь, что всё это вздор, что не стоит обращать внимание на такие мелочи. Я же отвечу, что только свет возвращает меня к жизни, когда забывается всё тёмное и ночное...

Так говорил засидевшемуся у него в гостях приятелю уже знаменитый в ту пору Алессандро Боттичелли, художник, чьими картинами украшали свои дворцы Медичи – владыки Флоренции, а глядя на них, и прочие небедные господа. Возможность предложить своё искусство местным властите-

лям, так ценившим всё новое и изящное, привлекала сюда множество мастеров, ищущих заработка и покровительства. Поэтому никто не удивлялся, что по красоте и мощи, по значимости своей и притягательности Флоренция долгое время соперничала с Римом. Но только не теперь...

– Вот, то-то и оно, что «не теперь»... – словно услышав мысли художника, отвечал ему, озираясь и придвигая к себе очередной стакан, дородный и пожилой синьор Лоренцо Дзаппо – известный в городе аптекарь и один из самых влиятельных членов своего цеха:

– Что-то изменилось в городе, буквально, за несколько недель! Обычно, выходя из собора и раздавая мелочь нищим, чувствовал я себя, пусть небольшою, но величиной. Платье моё, ты видишь, не роскошное, но со вкусом пошитое, уж я-то знаю в этом толк! И кланялись мне люди в приветствии, и я склонял голову в ответ, как и заведено здесь было испокон веку. Все знают чем я зарабатываю, никто не может меня ни в чём упрекнуть; и его преосвященство епископ меня знает хорошо, и падре Антонио любит со мной беседовать. А сколько я пожертвовал и на церковь нашу святую, и на деток малых! Но вот, вчера поймал я на себе несколько недружелюбных взглядов. И всё было бы ничего, но ведь и руки люди прятали, избегая рукопожатий! Так всё было необычно, что пришлось мне вернуться под своды собора. Там уже стояли небольшими группами мои знакомые по делам совместным, тоже взволнованные, испуганные, и тоже

ничего не могущие понять. У одного из них, Микеле..., ну, да ты всё равно его не знаешь!, была испачкана одежда – словно вывалялся он в грязи, а рукав его праздничной куртки был начисто оторван. Наконец, появился наш уважаемый падре Антонио и, странно спеша, не отвечая на вопросы, вывел всех нас какими-то пыльными коридорчиками на тихую улицу позади храма, суетливо благословил и велел оставаться дома до той поры, пока он сам нас не навестит. Всё это походило на сон, если бы не разорванная одежда Микеле и не гул голосов, доносившийся с площади перед собором.

Лоренцо перевёл дыхание, словно только что избежал опасности. При других обстоятельствах выпитое вино давно бы сделало своё дело и отправился бы он спать, довольный и дружеской беседой, и собственной судьбой, но переживания последних часов лишили его всегдашней уверенности и покоя. Убедившись, что его внимательно слушают, он сделал ещё глоток и продолжил:

– Отправился я домой, как всем нам посоветовал падре, который вскоре меня и посетил собственной персоной. Что сказать? – вид у него был усталый, очевидно, я был не первый, к кому он сегодня наведлся. Заметно было, что он спешит, я едва сумел усадить его за стол и заставил немного поесть. Вот тогда он и поведал мне коротко о происходящем, с трудом находя нужные слова. Никогда раньше я не видел на его лице столько растерянности – он напоминал только что проснувшегося, ещё не отошедшего от сна, человека, ко-

торый не помнит своих планов на грядущий день. Что и говорить, зрелище было неприятное. Мало того, что я сам не получил никакого утешения и разъяснения по поводу событий сегодняшнего утра, было очевидно, что и сам утешитель нуждается в помощи. Что ж, кое-какой опыт по этой части у меня имелся! Перегнулся я через стол, и, чувствуя под рукой худенькие его плечи, хорошенько встряхнул, заглядывая в глаза. Видно было, что не готов падре к такому обращению, но опустошённость на его лице сменилась удивлением, и он обрёл дар осмысленной речи. Вот, что он тогда мне поведал:

– Довелось послушать мне вчера одного из братьев, много их здесь обретается... Знаю его давно, ну, как знаю?, не лично, конечно, а видел, что ходит за ним народ, и слушает. Опасаюсь я подобных речей – что и говорить, слова-то все такие страстные, и с каждым разом всё горячее становились. Это тоже смущало меня, вы знаете – я привык к тишине и чту красоты нашей традиции. Пусть синьор спросит меня о чём он говорит – я ведь сразу и не отвечу. Только переворачивается у меня всё внутри от страха грядущих перемен, к которым он нас призывает! Вам бы самому его послушать, а? Только осторожнее будьте, оденьтесь поскромнее, да и ступайте на площадь. Повторяю, платье Ваше не подойдёт для такой прогулки! Вспомните, как утром пострадал Микеле! Там, куда Вы пойдёте, теперь не жалуют красивых одежд, и, как я понял, ещё много чего не жалуют... Вот это-то и непонятно, а тайна всегда страшит.

И он ушёл. Долго ещё не находил я себе места, всё звучал у меня в ушах негромкий голос падре Антонио и виделся образ его, в смятении покидающего мой дом. Казалось бы, самое время заняться делами – пойти в контору и подобрать лекарства для приютов, расход учесть, дать работникам на завтра указания... Но, словно удар какой прервал течение моих обычных хлопот, и, в неприятном пребывая неведении, решил я навестить давнего своего товарища, он врач, думаю, ты помнишь его – Маттео Паничетти – я ему доверяю. Уже в дверях вдруг вспомнилось мне предупреждение падре, и я вернулся. Странно было облачаться в пыльные одежды, которые не носил уже лет пять. С тех пор денег у меня прибавилось и тех лет скромные наряды давно хранились в сундуках, и, вот ведь, сновагодились, хотя я немного и растолстел... Тем не менее, на улице я не слишком выделялся в толпе и добрался до дома Паничетти без приключений. Там не сразу поняли кто я такой и не хотели впускать, но, когда сам Маттео меня, наконец, признал, оказался я в тёплой, большой комнате у очага с раскалёнными угольями, переливающимися то тёмно-красным, то алым цветом. Хозяин осмотрел меня с головы до ног, молчал, о чём-то думал. Я ожидал дружеской насмешки (мы любили подшучивать друг над другом), но на этот раз был мой друг серьёзен, указал мне на кресло – видимо, он сам любил в нём сидеть – и, подойдя к окну, проверил, хорошо ли закрыты ставни. Затем, обернувшись, сказал вот что:

– Эти Медичи! Никогда такого не было на моей памяти, чтобы в городе нашем царил хаос. Пьетро ди Лоренцо – жалкое подобие своего великого отца! Это надо же, так испугаться французов, отдать им без боя Пизу и пропустить их дальше через наши земли, чтобы они хорошо погуляли и в Сиене, и в Перудже! Так, глядишь, они и его Святейшество Папу поприветствуют в Риме... А ты чего так вырядился? На карнавал собрался? А-а, уже знаешь... Вот и я в недоумении, хотя недавно уже пытался послушать этого...как его? – брата Джироламо Савонаролу. Слушай, пойдём завтра утром вместе на площадь! Говорят, он там каждый день к народу обращается, и его приветствуют! Ведь, что бы не говорили, нужно своё мнение сделать. Согласен?

И мы договорились встретиться на площади перед собором.

– Ты слушаешь меня, Алессандро? Вот тебе мой рассказ, не подумай, что это я спьяну, хотя, сказать честно, так оно и есть. Денёк выдался холодный, и ты хорошо сделал, что посадил меня поближе к огню; и вино твоё, и беседа сделали своё дело – я почти согрелся и душой, и телом... Странно, но какая-то непонятная дрожь всё же одолевает меня как бы волнами. Думаю, что причиной здесь вовсе не холод за окном, а то, что всё звучит в ушах, услышанный утром, голос удивительного монаха, его страстные, всепроникающие слова. Да, он заставляет думать и сомневаться... А понимаешь ли ты, в чём приходится сомневаться? Если бы кому-нибудь

привелось сказать об этом вслух ещё несколько месяцев назад, то где бы человек оказался? Правильно, перед судом! И осуждён был бы, и ничто бы ему не помогло. Сейчас же другое дело! Дошло до того, что широким жестом указано им было в сторону Рима, и при этом не разверзлась земля, а только народ прибывал и прибывал на площадь послушать смелые речи. Ты спрашиваешь, где же духовенство и стражи порядка? Да здесь же – стояли и слушали, открыв рот! На лицах у них, конечно, разное можно было прочесть. Кто-то в испуге умолк, а иной словно заново рождался – светлел ликом, радостно головой кивал... В толпе же, непривычные к такого рода речам, люди переглядывались, путаясь в собственных мыслях, но не было сил уйти прочь. И как тут уйдёшь, если слышишь, что говорят, словно о тебе самом?

2.

Разговор с приятелем художника взволновал. Весь следующий день он боролся с искушением пойти и самому послушать странные, привлекающие столько людей, проповеди красноречивого монаха. Он даже пытался вообразить себе как тот выглядит: представлялся человек мощный, которому, больше чем ряса, подошли бы железные доспехи. Огненный взор его и громоподобный голос повергали, в его воображении, слушателей в дрожь, не хватало только молний с небес..., и получилось так, что придуманный яркий образ не оставил Сандро Боттичелли выбора – решено было пойти и

самому проверить свои догадки. И вот, январским утром отправился мастер на площадь Синьории, где, как говорят, чаще всего видели брата Джироламо из монастыря Сан-Марко – имя бесстрашного обличителя несправедливости было у всех на устах – и которого многие уже называли праведником. Одеться подобающим образом он, конечно, забыл и припомнился ему совет друга Лоренцо только в момент, когда брошенный кем-то ком земли пребольно ударил его в спину. Пришлось спешно вернуться, хорошо, что не так далеко он успел отойти от дома. Там он долго сидел на лавке в раздумьях. Спину всё больше саднило, но досада, упрямство и любопытство своё дело сделали. Не найдя в сундуках ничего подходящего для необычной прогулки – вся одежда там была достойна лишь того, чтобы пойти в ней на встречу к господам знатнейшим, – Боттичелли отправился на конюшню. В полумраке, у старых деревянных стойл слышно было, как шумно вздыхают лошади, разглядывая, побеспокоившего их, человека. Работник, трудившийся там, не сразу понял, что хочет от него хозяин, но в итоге, притворив за собой тяжёлую дверь, Боттичелли вскоре вышел на улицу в одеждах весьма бедных, закутавшись в ветхий плащ и надвинув на глаза войлочную шляпу. Ни дать, ни взять – заблудившийся в большом городе, крестьянин. С опаской пройдя мимо группы молодых людей, ещё недавно едва не прибивших его камнем, а сейчас о чём-то спорящих и не обративших на него никакого внимания, поспешил Сандро Боттичелли на пло-

щадь перед собором.

Против ожидания, не так уж много людей увидел он там. Тот, кого он искал, видимо ещё не появился, и художник, привычно подмечая детали, стал с интересом рассматривать окружающих.

– Что, думаешь, не узнаю? – знакомый голос отвлёк его от созерцания пожилой пары, куда-то спешащей и старательно обходящей неглубокие лужи. Наблюдения были важной частью его жизни, ничуть не меньшей, чем та, в которой он брал в руки кисти и улетал в своих мыслях за облака. Пресекающих этот полёт он всегда бесцеремонно выпроваживал из мастерской. Сейчас же, находясь вне дома, да ещё инкогнито, он лишь поморщился и обернулся к обратившемуся к нему человеку. Лоренцо Дзаппа! – мудрено было его узнать в каком-то рваном балахоне, значит, и он решил ещё раз рассмотреть, а скорее – послушать таинственного проповедника. Со смехом Дзаппа обратился к Боттичелли:

– Одет ты со вкусом, сразу видно – не поскупился на одежду. Что же ты про обувь забыл? Такую в деревнях не носят!

– Действительно... – художник хотел чертыхнуться, но вспомнив, что стоит он на паперти собора, осёкся. Осмотрев бегло наряд приятеля и не найдя ни одного изъяна, прикусил язык, и прекратил шутки:

– Ты прав, конечно, мой друг. Давай, всё же, не будем стоять на виду. Уж коли мы здесь оказались, и оба знаем для чего – доведём дело до конца, себя не выдав. Посмеёмся потом,

будет, что вспомнить. А что, долго ты искал во что одеться? Я, например,...

– Тс-с! – оборвал его Лоренцо. Он указывал глазами куда-то в дальний конец площади и Боттичелли, обернувшись, увидел, как большая толпа, словно река, вырываясь из узкой улицы, заполняет площадь. Становилось шумно. Бежали мальчишки, что-то отнимая друг у друга; пожилая пара – та самая, которой художник любовался ещё совсем недавно, теперь стояла посреди большой лужи, не замечая того и сложив молитвенно руки. В середине людского водоворота что-то происходило, что-то выдающееся и ранее невиданное. Иначе почему он видит, что некоторые становятся на колени? И кто эти несчастные, исторгнутые толпой, упавшие и оставшиеся неподвижно лежать, и которым никто не помогает? Почему плачут женщины, но не так плачут, словно кого-то хоронят, а наоборот, как будто от счастья? Обернувшись к Лоренцо, художник увидел как сдвинулись его брови, прищурились глаза и приоткрылся рот. Наклоняя голову то вправо, то влево, Дзаппа, утверждавший накануне, что уже видел здесь подобное, имел вид человека, вновь пытающегося понять, где же обман. Боттичелли тронул его за рукав:

– Что-то странное происходит, не находишь? Мне как-то не по себе... Эта река вскоре докатится и до нас. Пойдём домой, не нужно нам здесь оставаться.

И они, надвинув на глаза старые шляпы, направились к дому синьора Дзаппа, благо он был совсем недалеко. А на-

встречу им спешили на площадь люди со счастливыми лицами, и мелькнула у художника сумасшедшая мысль, что, наверное, также шёл народ встречать Спасителя, входящего в Иерусалим. И столь живо ему это представилось, что, отгоняя видение, замотал головой Алессандро Боттичелли, и вот так, трясаясь, словно больной, перешагнул он через спасительный порог. Едва закрылась за ними дверь, как грузный Лоренцо, тяжело дыша, уселся на колченогий стул и виновато посмотрел на приятеля:

– Хорошо, что ты увёл меня оттуда. Я бы этого не выдержал, не осуждай меня. Слаб я духом, вот что я тебе скажу. Это ведь не хвори лечить или купола расписывать, это другое... Не кажется тебе, что нужно упрятать наше богатое платье в сундуки и отныне одеваться поскромнее, а, Сандро? У меня сейчас ощущение ночного кошмара, но ведь ты тоже это видел! Как это понимать и что с этим делать?

– Не переживай, Лоренцо, мы оба бежали, смалодушничили, это нужно признать. Но чтобы всё понять, нужно набраться смелости ещё раз туда пойти и послушать. Ведь не зря народ так туда стремится. Что, не пойдёшь? Тогда я один, но не теперь – сегодня я струсил...

3.

Давно не было такого тумана. Город медленно проступал сквозь белесую дымку, на площадях понемногу оживала торговля. Художнику, прожившему здесь всю жизнь, был зна-

ком голос каждого из колоколов, тоже пробуждавшихся для своей каждодневной работы, и вдруг подумалось Боттичелли дать им собственные имена. Улыбнувшись такой идее, он не спешил подниматься с постели. Свой дом он любил, даже беспорядок в комнатах был ему мил. Вот большой и красивый стол, совсем недавно сработанный для него известным мастером, на нём большие и малые листы – на них строки и рисунки... А рядом – удобное кресло, в котором приятно думать и о прожитых днях, и о днях грядущих, и где так удобно перечитывать старые письма или, пережидая непогоду, рисовать по памяти, дорогой на все времена, лик... О, Симонетта! Уже почти четверть века, как отлетела на небеса душа твоя, а он, теперь такой старый и неуклюжий, всё томится по тебе, и его глупое сердце не хочет отпустить твой светлый образ. Линии лёгкие, штрихи незаметные, полутени воздушные... Рисунок за рисунком, как год за годом. Не стареет воспоминание, оживают глаза и губы, слышится запах волос и тихий шёпот... Боттичелли очнулся от своей сладостной муки, открыл глаза. Через открытую дверь он видел соседнюю комнату, большую и светлую, именно там он становился кем-то иным, непонятным самому себе, страшным и прекрасным инструментом в руках, которые в своё время сотворили и небо, и землю. Чтобы идти в мастерскую каждый раз нужно было делать усилие, успокаивать дыхание, уговаривать сердце не трепетать так сильно. А войдя под высокие своды, почувствовать облегчение от обрётённо-

го вновь дара речи, прозрения и смутного понимания сути вещей. Это было ещё не блаженство, оно наступало позже, когда чувствовалось, что обладает он своим даром вполне и уже ничего больше не требуется от него самого, ибо водила его рукой неведомая сила. Едва переступал он этот порог, как сразу слышались ему разговоры и споры. Приходилось мирить поссорившиеся краски, успокаивать проголодавшиеся кисти, а затем – хорошо, что это никто не видел – приносить себя в жертву своему прекрасному делу, забывая об отдыхе и слушая лишь, доносящееся откуда-то с небес, пение. Вот и сегодня, он намеревался войти туда прямо сейчас, уже чувствуя необычную дрожь в руках от предвкушения прикосновений к неоконченной картине, смиренно ожидавшей его здесь каждое утро. Уже поздоровавшись со своими кистями и красками, уже сняв и отбросив прочь старое полотно, прикрывавшее его работу, он внезапно остановился. Мысль о том, что нужно обязательно идти на площадь и там встретиться с чем-то непонятным, его испугала. Как же так? Здесь всё так хорошо устроено, тепло и безопасно, здесь пахнет домом, здесь друзья – книги, холсты и краски, а там? Там же – туман и холод, и почти ничего не видно в этом тумане, и люди как тени, и звучат страстные, как говорят, речи неизвестного человека, которого, по слухам, не жалует ни падре Антонио, ни сам епископ.

– А вдруг он скажет что-то такое, чего я не пойму, или, что хуже, истолкую превратно? И тогда конец устоявшимся

привычкам, руки будут дрожать от сделанных открытий, и не смогу я тогда провести даже тонкую линию. Да, такое возможно, но ведь может случиться и наоборот – ничего страшного не произойдёт, и слова монаха не окажутся для меня роковыми? Но может случиться и иное – вернусь я оттуда окрепший духом и сотворю с Божьей помощью новую картину, невиданную по мощи и красоте? Кроме того, не я ли сам убеждал вчера друга Лоренцо, что наберусь смелости и этим утром непременно пойду на площадь слушать странную проповедь? Поэтому, оденься поскромнее и ступай!

Боттичелли быстро продрог, слоняясь по площади из конца в конец. Какой-то человек, по виду – бывший стражник, а сейчас, судя по всему, бродяга, указал ему место, откуда, по его словам, лучше всего видно и слышно брата Джироламо – чуть в стороне, но зато на четвёртой по счёту ступени соборной паперти:

– Здесь и стойте, папаша! Ручаюсь, что рассмотрите всё в лучшем виде. Я как увидел его третьего дня, так и хожу с тех пор слушать. Так мне делается хорошо от его речей – словно умывает кто моё лицо, и становлюсь я лучше, и воровать (он заговорил шёпотом) в те дни я совсем перестал! Это уж сейчас нужда заставила снова согрешить... Ну, наконец-то, смотри, вот он!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.